

УДК 821.161.1

**«БЕЗ ДОРОГИ» В.В.ВЕРЕСАЕВА
КАК ОБРАЗЕЦ «СМЕСИ ОБРАЗА И ПУБЛИЦИСТИКИ»**

© 2010 В.А. Бондаренко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2009 года

Аннотация: В настоящей работе рассматривается произведение молодого В.В. Вересаева «Без дороги» под углом зрения жанрологии. В.В. Вересаев создал синтетическую модель, в которой сочетаются черты публицистического очерка и беллетристической повести. Такая гибридная форма сложилась потому, что эпоха требовала мгновенного отражения факта жизни в печатном слове, а творческая природа дарования писателя пыталась «укрепить» этот факт художественными образами.

Ключевые слова: жанры публицистики, художественный образ, общественная ситуация, синтез очерка и повести.

Abstract: The paper in question deals with young V.V. Veresaev's short story *Without any way out from the point of view of its genreology*. V.V. Veresaev created a synthetic model in which the features of a publicistic essay and a fictional story are blended. Such hybridization can be explained by the epoch that required immediate reflection of facts of life printed letter. The creative nature of the writers gift tried to «strengthen» this fact by an artistic image.

Key words: publicistic genres, artistic image, social situation, essay and short story syntheses.

В.Г. Короленко в свое время определил новаторскую форму произведений Г.И. Успенского как «смесь образа и публицистики» [7, 15]. В.В. Вересаев, будучи начинающим писателем, продолжает традицию, заложенную Успенским. В 1894 г. Вересаев пишет основанную на реальных событиях повесть «Без дороги», которая представляет собой эклектичную форму, включающую художественные и публицистические элементы, что было продиктовано требованиями современности. Эпоха заставляла писателя каждый вывод проверять фактом, который в условиях общественно-политического кризиса воспринимался читательской аудиторией как более близкий к истине, чем его художественная интерпретация. Поэтому, по словам исследова-

теля Е.Г. Мушенко, «реалистическая проза начала с всеобщей проверки эстетических выводов прошлого фактами исторически-конкретной реальности» [9, 50].

В переходное, неустойчивое время становятся востребованными «сырые», необработанные факты. Так, исследователь В.И. Кулешов, характеризуя литературу последних десятилетий XIX в., писал: «Когда изживало себя народничество и все, так или иначе связанные с ним формы идеализации патриархальщины («почвенничество», «толстовство»), дешевого литературного альтруизма («теория малых дел»), то чрезвычайно важно было взглянуть на жизнь без всяких шор, минуя сложившуюся догматику ее понимания» [8, 250]. Действительность была настолько «новой» и «разнообразной», что устоявшиеся формы литературы не удовлетворяли ее потребностей.

© Бондаренко В.А., 2010

Современник Вересаева критик К.К. Арсеньев по этому поводу заметил: «Деление литературы на строго определенные жанры отжило свой век, перегородки, некогда установленные эстетикой, потеряли свою обязательную силу» [1, 693]. Любимый писатель-новатор, работающий на «рубеже веков», ощущал себя вправе создавать свой жанр. В произведении «Без дороги» нет четких признаков одного типа литературы, в нем присутствуют элементы разных жанровых образований. Поскольку публицистичность была органичной чертой эпохи, Вересаев внедрил в повесть ряд элементов, присущих небеллетристическим моделям. В итоге художественное произведение подчинялось публицистическим законам и целям: оперативно донести информацию до широкого круга читателей. Это значило, что у автора не было ни желания, ни возможности (времени) на художественное переосмысление и обогащение текста литературными образами.

Не случайно «Без дороги» написано в форме *дневника*¹. Это позволяло частями публиковать злободневное произведение о реально существовавшей эпидемии холеры (журнал «Русское богатство» – 1895, №7-8). Наличие элементов публицистической рефлексии² (беспристрастного перечисления фактов) указывает на стремление писателя быть предельно достоверным.

«Без дороги» тяготеет к очерку с хроникальной композиционной структурой. По мнению исследователя Е.И. Журбиной, «в очерке должно произойти органичное слияние публицистической мысли и художественного приема» [5, 24]. Чтобы достичь этого слияния, автор часто использует очерковые связки между эпизодами, вследствие этого *мысль* порой достаточно хаотично движет сюжетом. Например, в следующем отрывке автор применяет ярко выраженный очерковый прием, точно указывая дату: «2 июля, 10 часов утра». Далее следует художественно организованный текст: «Перечитал я написанное вчера... Меня опьянили яркое утро, запах леса, это радостное, молодое лицо; я смотрел вчера на Наташу и думал: так будет выглядеть она, когда полюбит. Тут была теперь не любовь, тут было нечто другое; но мне не хотелось об этом думать, мне только хотелось, чтоб подольше на меня смотрели так эти сиявшие счастьем глаза. Теперь мне досадно, и злость берет: к чему все это было? Я одного лишь хочу здесь – отдохнуть, ни о чем не думать. А Наташа стоит передо мною – верящая, ожидающая...» [4, 108].

Для молодого Вересаева характерно изображение резких перепадов настроения героев, что связано с движением сюжета не за счет логики развития характеров, а посредством мысли авто-

ра, который часто дает волю своим ассоциациям: «Писать, так уж все писать, хоть гадко и противно *вспоминать* (курсив мой – В.В.)» [4, 101].

Для органичного соединения разнородного по эмоциональному настрою материала писатель создает оригинальный жанровый сплав. Так, например, автор использует такой жанр, как *обозрение*³: «3 июля. Привезли газеты. На меня вдруг пахнуло совсем из другого мира. Холера расходится все шире, как степной пожар, и захватывает одну губернию за другою; люди в стихийном ужасе бегут от нее, в народе ходят зловещие слухи. А наши медики дружно и весело идут в самый огонь навстречу грозной гостье. Столько силы чувствуется, столько молодости и отваги. Хорошо становится на душе... Завтра я уезжаю в Пожарск» [4, 110].

Прибегает Вересаев и к жанру *хроники*⁴: «27 июня. Со станции привезли газеты. В Баку – холера. Она медленно, но непрерывно поднимается вверх по Волге» [4, 101]. Как видно, здесь важнейшие события из жизни страны преподносятся в виде публицистического факта. Этот прием, по справедливому замечанию исследователя В.Н. Фоминых, «рассчитан на пробуждение, развитие и поддержку социальной активности читателя» [15, 107].

Обобщение же фактов и краткое описание обстановки свидетельствует о тяготении автора к публицистическому жанру *зарисовки*⁵: «4 июля. Я в Пожарске. Приехал я на лошадях вместе с Наташею, которой нужно сделать в городе какие-то покупки <...>. Я расспрашивал Николая Ивановича о холере. Она серпом окружила нашу губернию, и кое-где были уже единичные случаи заболевания. В самом Пожарске во врачах не нуждаются, но в уездах недостаток; в уездном городе Слесарске не могут найти врача для зареченской стороны, Чемеровки, заселенной мастеровщиной. Завтра пошлю туда заявление» [4, 110]. Публицистическая (документальная) литература «несет смысловую нагрузку, авторскую мысль» [15, 15], поэтому она всегда, как и в данном случае, имеет идеологическую направленность.

В тексте вересаевского произведения можно обнаружить отрывки, имеющие признаки *памфлета*⁶ (напоминающие стиль высказываний (по сходному поводу) В.В. Розанова⁷): «Каким чудом могло случиться, что в такой короткий срок все так изменилось? Самые светлые имена вдруг потускнели, слова самые великие стали пошлыми и смешными; на смену вчерашнему поколению явилось новое, и не верилось: неужели *эти* – всего только младшие братья, вчерашних. В литературе медленно, но непрерывно шло общее заворачивание фронта, и шло вовсе не во имя каких-либо новых начал, – о нет! Дело было очень ясно: это было лишь ренегатство – ренегатство общее,

массовое и, что всего ужаснее, бессознательное. Литература тщательно оплевывала в прошлом все светлое и сильное, но оплевывала наивно, сама того не замечая, воображая, что поддерживает какие-то «заветы»; прежнее чистое знамя в ее руках давно уже обратилось в грязную тряпку, а она с гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала к ней читателя; с мертвым сердцем, без огня и без веры, говорила она что-то, чему никто не верил...» [4, 122]. Эта злободневная речь является социально-политическим обличением современной автору литературы, так как аналитические публицистические жанры позволяют вскрыть причинно-следственные связи между общественными явлениями и дать им общественно значимую оценку.

Нередко на страницах повести можно встретить элементы жанра *эссе*⁸, где содержатся размышления автора о смысле существования человека: «Время идет — день за днем, год за годом... Что же, так всегда и жить, — жить, боясь заглянуть в себя, боясь прямого ответа на вопрос? Ведь у меня *ничего* нет. К чему мне мое честное и гордое мирозерцание, что оно мне дает? Оно уже давно мертво; это не любимая женщина, с которою я живу одной жизнью, это лишь ее труп; и я страстно обнимаю этот прекрасный труп и не могу, не хочу верить, что он нем и безжизненно-холоден; однако обмануть себя я не в состоянии. Но почему же, почему нет в нем жизни?» [4, 118]. Герой художественно-публицистической повести становится выразителем главных идей своего поколения, времени. Основными аспектами изображения характеров героев являются их мировоззрение, политическое кредо, а не психология развития «внутреннего человека».

Как и у любого писателя-очеркиста, фактический материал в вересаевском произведении не только публицистически осмысливается, но и художественно обрабатывается. Вересаев (в отличие от Г.И. Успенского) тяготеет к крупной беллетристической форме — роману, что дало возможность исследователю И.И. Кондрашовой назвать «Без дороги» «романной повестью» [6, 49].

Однако мы склоняемся к мнению, что перед нами произведение, имеющее черты *повести*. Еще В.Г. Белинский указывал на удивительную способность повести, которая «ловит ... и заключает в свои тесные рамки «события», которых не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить и в века» [3, 112]. «Без дороги» отвечает и другим ключевым признакам указанного жанра: герои выведены «в одну пространственную плоскость», «эпическое

действие стремится к наглядному и быстрому завершению», сюжет «имеет тяготение к интенсификации действия» [13, 47-50].

В анализируемом нами произведении можно обнаружить и такой жанровый признак повести, как *локальность*. Об этом исследователь В.С. Синенко писала следующее: «Не претендуя на полный охват и анализ истории характера, всей совокупности богатейших отношений человека со средой и обществом, повесть отбирает только те из них..., которые являются определяющими для жизненного поведения героя, принципиально значащими для его столкновения с противодействующими силами» [12, 64].

Внутри каждого очеркового фрагмента в рассматриваемом нами тексте обнаруживается такая черта повести, как изображение частной жизни героев, и такие мотивы, как любовь, семья, домашний очаг, находят для себя место в *идиллических* фрагментах.

С помощью элементов идиллии художественное начало входит в «публицистическую» повесть Вересаева «Без дороги». Идиллия, как отмечал М.М. Бахтин, имела «огромное значение для развития романа» [2, 370]. Видимо, это касается и повести, Элементы идиллии в данном тексте представлены «описанием безмятежной жизни» на лоне природы [10, 116], образами «пищи», хронотопом дома, родового «гнезда».

Главный герой рассказа бросает службу и приезжает к своему дяде в гости, чтобы отвлечься от кошмара работы земского врача. Здесь его действительно ожидает иная картина: «Большая зала старинного помещичьего дома, на столе кипит самовар; висячая лампа ярко освещает накрытый ужин, дальше, по углам комнаты, почти совсем темно; под потолком сонно гудят и жужжат стаи мух. Все окна раскрыты настежь, и теплая ночь смотрит в них из сада, залитого лунным светом; с реки слабо доносятся женский смех и крики, плеск воды» [4, 81]. Герой бессознательно стремится к простоте их жизни как к идеалу, который он когда-то утратил. Но через некоторое время муки совести, вызванные беседами с Наташей, заставляют Чеканова переступить через свое желание жить спокойно, и он отправляется на борьбу с эпидемией в Чемеровку. Очевидно, что автору вполне «хватило» бы материала на роман, на изображение широкого социального полотна народной судьбы вкупе с высокими порывами души главного героя. Однако Вересаев, используя очерковые связки, делает выбор в пользу фрагментарного повествования.

Итак, перед нами гибридная жанровая форма, которую выбрал молодой писатель под воздействием своей эстетической рефлексии,

продиктованной требованиями эпохи (краткость изложения фактов и их оценка).

По словам исследователя В.А. Свительского, художественное произведение всегда «несет оценочное освещение жизни». Иными словами, писатель, «строит произведение, выносит оценку и явления жизни, и их образному отражению в пределах создаваемого мира» [11, 8].

Вересаев использовал такие способы оценки, как публицистический (прямой) и художественный (опосредованный). Это стало возможным благодаря тому, что актуальными становились «романизированные» повести с элементами публицистики, небольшие по объему, но содержащие значимые факты из современной жизни страны.

Обилие элементов публицистических жанров в художественном произведении, как правило, свидетельствует о попытке писателя выполнить определенную социальную задачу. «В публицистике связь «автор – читатель» устанавливается напрямую, минуя промежуточные звенья, необходимые литературе. Это влечет за собой некоторые потери: утрачивается разноплановость видения, а с ней богатство характеристик», – отмечает М.И. Стюфляева. «Однако непосредственное общение с читателем, открытое обращение к нему способствует насыщению материала тенденциозностью и в конечном счете наиболее эффективному выполнению пропагандистского задания», – продолжает исследователь [14, 79]. «Диффузия» жанров способствует их взаимообогащению, взаимопроникновению элементов одних жанров в другие стимулирует внутренние процессы, протекающие в публицистических и художественных моделях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дневник – ежедневные записи текущих событий общественной или личной жизни. См. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 1998. – С. 263.

2. Reflexio – от лат. «движение назад». Под публицистической рефлексией мы понимаем форму деятельности журналиста (писателя), направленную на осмысление своих приемов построения произведения. Под эстетической рефлексией, вслед за исследователями Д.П. Баком и В.И. Тюпой, понимается «рефлексия поиска субъектом своей актуальной позиции». См. работу: Бак Д.И. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики / В.И. Тюпа, Д.И. Бак // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1988. – С. 4-15.

3. Обзорение – статья о фактах, событиях, явлениях и т.п., связанных между собой общностью тематики. См. Большой толковый словарь русского языка ...С. 678.

4. Хроника – жанр документалистики, посвященный последовательному описанию важных событий, подборка информации о хронологической череде важнейших событий за определённый промежуток времени на определённой территории. См. Большой толковый словарь русского языка ...С. 1455.

5. Зарисовка – публицистический жанр предполагающий обобщение фактов и сжатое описание ситуации. См. Большой толковый словарь русского языка ...С. 342.

6. Pamфлет – злободневное публицистическое произведение остросатирического характера, создаваемое с целью социально-политического обличения. См. Большой толковый словарь русского языка ...С. 777.

7. В.В. Розанов в своем последнем значительном произведении «Апокалипсис нашего времени» (1917-1918) с горечью и раздражением писал о гибели русской культуры. В.В. Розанов, умерший в 1919 г. в нищете, незадолго до своей кончины обвинил русских деятелей культуры в том, что произошло: «Мы в сущности играем в литературе. «Так хорошо написал». И все дело было в том, что «хорошо написал», а что «написал» – до этого никому дела не было. По содержанию литература русская есть такая мерзость, такая мерзость бесстыдства и наглости, – как ни единая литература. В большом Царстве, с большой силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, – что она сделала?» См. Розанов В.В. Сочинения / В.В. Розанов. – Л., 1990. – С. 470.

8. Эссе – очерк, трактующий литературные, философские, социальные и другие проблемы не в систематическом научном виде, а в свободной форме. См. Большой толковый словарь русского языка ...С. 1526.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К.К. Лесная правда и высшая справедливость / К.К. Арсеньев // Вестник Европы, 1883. кн.10. – С. 667-694.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

3. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3 т. Т.1 / В.Г. Белинский. – М. : ГИХЛ, 1948. – 797 с.

4. Вересаев В.В. Собр. соч. в 5 т. Т.1 / В.В. Вересаев. – М. : Правда, 1961. – 478 с.

5. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров / Е.И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 400 с.

В.А. Бондаренко

6. Кондрашова И.И. Проблемы художественного метода и идея синтеза в русском литературном процессе конца XIX – первой половины XX веков и их особенности в формировании младописьменной литературы Северного Кавказа: автореф. дисс...д-ра филолог. наук / И.И. Кондрашова. – Майкоп, 2009. – 51 с.
7. Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. Т.8 / В.Г. Короленко. – М. : ГИХЛ, 1955. – 512 с.
8. Кулешов В.И. Этюды о русских писателях. / В.И. Кулешов. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 262 с.
9. Мущенко Е.Г. Путь к новому роману на рубеже 19-20 вв. / Е.Г. Мущенко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1986. – 185 с.
10. Пчелова Н.Н. Забытые аспекты идиллии: к проблеме понятия и термина в литературных теориях 1810-1830-х гг. / Н.Н. Пчелова // Пастораль как текст культуры: теория, топика, синтез искусств. Сб-к научн. трудов. – М., 2005. – С. 113-119.
11. Свительский В.А. Личность в мире ценностей (Аксиология русской психологической прозы 1860-1870-х гг.) / В.А. Свительский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2005. – 232 с.
12. Синенко В.С. Русская советская повесть 40-50-х гг. Вопросы поэтики и типологии жанра / В.С. Синенко // Проблемы жанра и стиля. – Уфа, 1970. – С. 7-232.
13. Скобелев В.П. Поэтика рассказа / В.П. Скобелев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1982. – 155 с.
14. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М. : Мысль, 1982. – 176 с.
15. Фоминых В.Н. Публицистический факт. Путь к оптимизации журналистского текста / В.Н. Фоминых. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 188 с.

*Бондаренко В.А.
Воронежский государственный педагогический университет.
Аспирантка кафедры истории русской литературы,
теории и методики преподавания литературы.
e-mail: vikabondarenko1@rambler.ru*

*Bondarenko V.A.
Voronezh State Pedagogical University.
Post-graduate student.*